

ПРОЕКТ СОПРЯЖЕНИЯ ЕАЭС И ЭПШП: ДЖЕНТЕЛЬМЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ИЛИ НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО «ХАРТЛЕНДА»?

Подписание 8 мая 2015 г. договора о сопряжении Евразийского экономического сообщества и инициативы «пояса и пути» стало полной неожиданностью для многих исследователей. Сразу же встал ряд вопросов: во-первых, существует ли платформа для реального взаимодействия между Россией и Китаем в рамках сопряжения, а во-вторых каковы перспективы такого сотрудничества. Эксперты не пришли к единому мнению по данной проблематике.

Ряд исследователей считает, что Москва и Пекин смогли прийти к консенсусу по вопросам, связанных с Центральной Азией и приступили к формированию единого евразийского пространства. Так, видный российский эксперт С. Г. Лузянин, директор ИДВ РАН, в своей статье выразил мнение о том, что подписание договора о сопряжении фактически дало начало формированию нового российско-китайского «Хартленда» [1, с. 82]. Что касается вопроса о возможном конфликте двух держав в Центральной Азии, то, по мнению С. Г. Лузянина этого можно избежать с помощью активной роли ШОС, как связующего звена связки ЕАЭС-ШОС-ЭПШП, которая в дальнейшем может стать ядром совместной евразийской политики России и КНР.

Однако существует и другая точка зрения, основные тезисы которой заключаются в том, что каких-либо качественных изменений в рамках сопряжения в краткосрочном и среднесрочном периоде не произойдет. Прежде всего, до сих пор не понятно, как будут взаимодействовать ЕАЭС с четкой институционализацией и ЭПШП, представляющую собой философскую концепцию развития Китая [2]. Кроме того, изначальная

трактовка сопряжения вызывает немало вопросов. Предполагалось, что данный договор всего лишь оболочка, которая будет заполняться различными бизнес-проектами, как с китайской стороны, так и с российской. Однако по прошествии более чем 2 лет, так и не удалось прийти к взаимному пониманию. Неготовность обеих сторон идти на уступки, а также различные подходы к пониманию идеи сопряжения мешают приступить к какому-либо взаимодействию. Еще больше усложняет процесс размытость китайской инициативы, которая не имеет ни четкой географической привязки, ни критериев оценки, ни конкретных целей и задач.

Таким образом, подписание договора о сопряжении выглядит своего рода джентельменским соглашением между Россией и Китаем. Следовательно, основной его смысл заключается в том, что две державы признают интересы друг друга в Центральной Азии и обязуются учитывать интересы партнера при реализации своей политики, но не более того. Так, говорит о реальном консенсусе между Москвой и Пекином и активном взаимодействии в рамках сопряжения весьма сложно. Возможно со временем, на базе этого договора удастся достичь полного взаимопонимания и перейти от слов к делу, однако такая перспектива выглядит весьма туманно.

Литература

1. Лузянин С. Г. ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии / С. Г. Лузянин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. № 21. С. 78-84.

2. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международной организации. 2016. № 3. С. 67-81.